

**Трудовая миграция из КНР в российское Приморье: основные
предпосылки и новые подходы к регулированию**
**Labour migration from China in the Russian Riviera: the main
preconditions and new approaches to regulation**

Александр Павлович Латкин

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
доктор экономических наук, директор
Института международного бизнеса и экономики

Светлана Валерьевна Кузьмина

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
кандидат социологических наук, профессор кафедры
экономики, управления и информационных технологий,

E-mail KUZ_s.v@bk.ru,

Alexander Pavlovich Latkin

Vladivostok State University of Economics and Service, Doctor of
Economics, Director Institute of International Business and Economics

Svetlana Valerevna Kuzmina

Vladivostok State University of Economics and Service,
Candidate of Social Sciences, Department of Economics,
Management and Information Technology,

E-mail KUZ_s.v@bk.ru,

Аннотация. Переход к открытой экономике сопровождается в России значительным увеличением международных мигрантов. Особенно это характерно для регионов российского Дальнего Востока, где устойчивые сокращения численности населения сформировало высокий спрос на иностранную рабочую силу, прежде всего из приграничных районов КНР. В статье определяются основные геополитические и экономические предпосылки активизации этого процесса в начальный период рыночных реформ и дается

оценка возможных последствий начавшейся в российской экономике рецессии ужесточения мер государственного регулирования международной миграции.

Ключевые слова: Международная миграция, российский Дальний Восток, трудовые мигранты из КНР, новые подходы к регулированию иностранной рабочей силы.

Abstract. The transition to an open economy in Russia is accompanied by a significant increase in international migrants. This is especially characteristic of regions of the Russian Far East, where the steady population decline has formed a high demand for foreign labor, mainly from the border regions of the PRC. The paper identifies the major geopolitical and economic background of the activation process in the initial period of market reforms and assesses the possible consequences of the outbreak of the Russian economy recession tightening measures of state regulation of international migration.

Keywords: International migration, the Russian Far East, migrant workers from China, new approaches to the management of foreign labor.

Миграционный обмен между Китаем и Россией является традиционным элементом их отношений. В его основе – территориальная близость, исторические связи, наличие китайских общин в районах Дальнего Востока России, родственные отношения между гражданами двух пограничных стран. Поэтому перемещения населения между Россией и Китаем, в том числе трудовая миграция в Россию, в большей или меньшей степени существовали всегда, как легальная, так и нелегальная. Все эти причины действуют и в настоящее время. Кроме того, усиливается и обоюдная экономическая заинтересованность в миграции трудовых ресурсов из Китая на Дальний Восток России [1].

Общепризнанно, что миграция между Китаем и Россией имеет существенные геополитические, социально-экономические и демографические последствия для обеих стран. Китаю миграция позволяет снимать напряжение на рынке труда, расширяет сферы влияния, приносит экономические эффекты. Миграция из Китая компенсирует недостаток трудовых ресурсов, который все

больше и больше усиливается в регионах Дальнего Востока, где в ближайшие годы должны быть осуществлены крупномасштабные инвестиционные проекты.

Ведущие российские политики и ученые, в целом, положительно относятся к развитию процессов международной трудовой миграции на Дальнем Востоке России и активному вовлечению мигрантов в народное хозяйство региона. Принятая в 2012 г. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года содержит основные принципы и направления ее реализации с учетом национальных интересов. Это предполагает создание условий для повышения миграционной привлекательности Российской Федерации, совершенствование системы регулирования привлечения иностранной рабочей силы, содействие адаптации и интеграции мигрантов, формированию взаимной толерантности между мигрантами и местным населением.

Позитивно оценивая новую систему мер Российского правительства в области государственного регулирования миграционных процессов нельзя не отметить тенденцию последних лет к ослаблению некогда сильной мотивации мигрантов КНР к работе в различных сферах хозяйства на территории российского Дальнего Востока. Этот факт безусловно заслуживает специального исследования с целью выработки мер по корректировке уже принятой концепции и целого ряда мероприятий для более жесткого регулирования миграционных процессов, начиная с 2015 года [2].

Нельзя не учитывать, что на протяжении всей истории развития Дальний Восток для выполнения общегосударственных функций использовал трудовые ресурсы союзных республик и западных российских регионов. Разными были масштабы, квалификация и условия их привлечения при постоянстве целевой ориентации этого процесса на интенсификацию освоения имеющихся в регионе запасов минерального, лесного и рыбного сырья, формирования производственного и научно-технического потенциала.

Важно отметить, что в социалистический период трудовые ресурсы направлялись на Дальний Восток с мотивацией на высокую заработную плату, возможность сравнительно быстро получить жильё и иметь хороший карьерный рост. Исключением является лишь отправка сюда в предвоенный период по указанию И.В.Сталина огромного количества политических заключенных (около 500 тыс. чел), которые в тяжелых климатических условиях отработывали установленный срок наказания.

Что касается послевоенной истории, то потоки трудовых ресурсов при их государственной регламентации организовывались преимущественно под конкретные масштабные проекты, типа строительство БАМа, Приморской ГРЭС, всесоюзного пионерского лагеря «Океан» и др. [3, 4]

Уже на первом этапе рыночных реформ, когда с одной стороны российским правительством был «открыт» г.Владивосток и ряд других территорий Приморского края, с другой стороны была объявлена либерализация внешнеэкономической деятельности сформировался масштабный поток трудовых мигрантов в дальневосточный регион из соседнего Китая. Инициировался он следующими экономическими предпосылками:

1. Значительным перепадом в значениях показателя плотности населения в Приморском крае, благоприятном по природно-климатическим условиям для жизни и трудовой деятельности людей с приграничной с ним китайской провинцией Хэйлунцзян. Именно на учете этого фактора строится политика КНР на поддержку миграционных стремлений китайских граждан к выезду для временного проживания в российские приграничные регионы для зарабатывания денежных средств в торговом, ресторанном, ремонтно-строительном, сельскохозяйственном и иных бизнесах с перспективой остаться на постоянное местожительство, в том числе путем создания российско-китайских семей. Данный вывод подтверждается растущими масштабами изучения русского языка в КНР и получением высшего российского образования в России, в том числе в приграничных городах Владивостоке,

Хабаровске, Благовещенске и других с последующим поступлением здесь же в магистратуру и аспирантуру. По нашим оценкам сейчас контингент китайских обучающихся в дальневосточных российских университетах превышает 3 тыс. чел.

2. Открытием и быстрым развитием на границе России и Китая только в Приморском крае пяти грузо-пассажирских таможенных переходов, что значительно упростило процедуру приезда в Россию китайских граждан равным образом как и российских в Китай. Причем наряду с автомобильными переходами (Краскино - Хуньчунь; Полтавка – Дунин; Турий рог – Мишань; Марково – Хулинь) планы российско-китайского приграничного сотрудничества предполагали модернизацию железнодорожного перехода «Гродеково - Суйфэньхэ», а также строительство новых железнодорожных переходов «Краскино – Хуньчунь» и «Лесозаводск – Мишань».

Следует отметить, что в южном направлении, то есть из китайского города Хуньчунь (провинция Цзилинь) до российско-китайской границы уже к 2000 году была построена дорога в рамках реализации международного проекта «Туманган» с перспективой ее выхода на приморский порт Зарубино. В данном случае экономический интерес Китая заключался в открывшейся возможности экспорта сельскохозяйственной продукции и каменного угля из провинции Хэйлунцзян в Японию и другие страны.

Что касается второй железной дороги, инициатива в строительстве которой, также принадлежит китайской стороне с целью сокращения пути из Китая в г. Хабаровск и далее по Транссибу в западные районы России, то ее строительство было не поддержано российской стороной. Таким образом уже в 90-е годы прошлого столетия проблема транспортного сообщения между КНР и Приморским краем РФ была решена, в том числе для включения в российско-китайские грузо-пассажирские потоки южных провинций КНР.

3. Резким ухудшением уже в первые 10 лет рыночных реформ конъюнктуры рынка труда на российском Дальнем Востоке в целом и в Приморском крае, в частности. Изменение государственной региональной

политики происходило в России не в пользу ДВ региона, при значительном сокращении государственного заказа предприятиям оборонно-промышленного и рыбохозяйственного комплексов, что обусловило формирование устойчивого оттока квалифицированных кадров в центральные и западные районы России. По этой причине общая численность Дальнего Востока сократилась за первые десять лет рыночных реформ почти на треть (с 8,2 млн. чел. (1990г.) до 6,3 млн. чел. в 2000г.), что привело к дисбалансу региональной системы трудовых ресурсов и обострило проблему острой нехватки низкоквалифицированной рабочей силы в сельском хозяйстве, строительстве, торговле, общественном питании и ряде других секторах экономической деятельности. Таким образом в ДВ регионе, включая Приморский край, сформировалась высокая динамика спроса на низкоквалифицированную китайскую рабочую силу [5].

4. Наличием в приграничных районах, особенно в Приморском крае, значительных земельных ресурсов, пригодных для выращивания риса, сои, овощей и бахчевых культур, то есть для того, в чем китайское население имело несравненно большие трудовые навыки, квалификацию и трудовую мотивацию по сравнению с российскими сельхозработниками. Нельзя не отметить, что за несколько лет до начала рыночных реформ Советское правительство осуществило в южных районах Дальнего Востока масштабный проект по гидромелиорации непригодных ранее для устойчивого развития сельского хозяйства закустаренных и болотистых территорий.

5. Искренним желанием китайских предпринимателей, как из южных, так и северных провинций наладить устойчивый экспорт китайского продовольствия, а в последующем и промышленных товаров на рынок ДВ региона и далее на рынки западных регионов России с перспективой создания собственных или совместных предприятий.

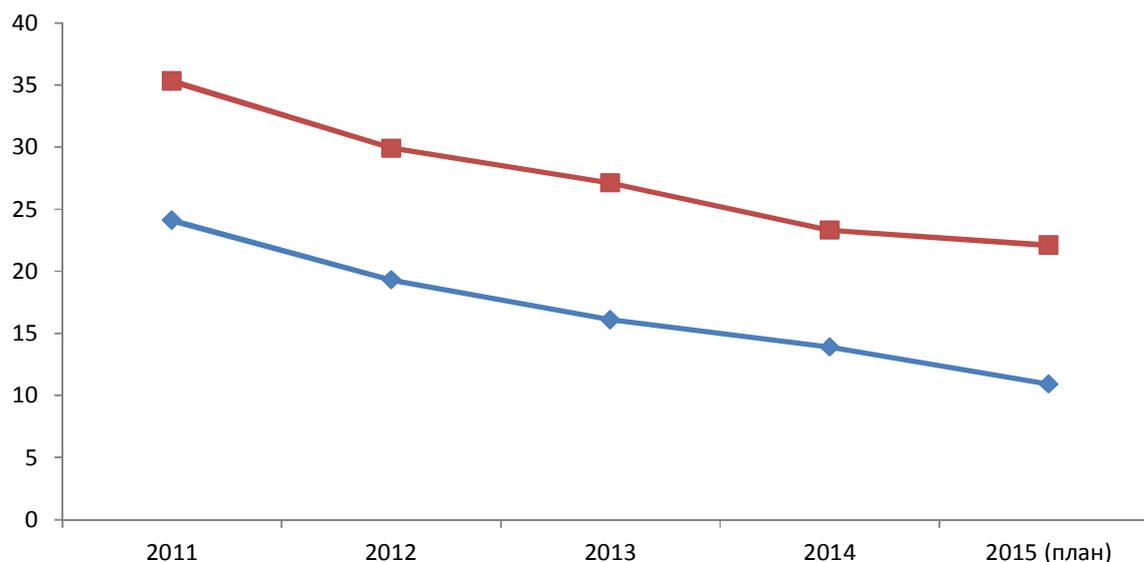


Рисунок 1. Динамика относительного участия граждан КНР в формировании контингента трудовых мигрантов в Приморском крае, тыс. чел.

Отмечая высокую динамику роста количества трудовых мигрантов из КНР в Приморском крае на начальном этапе российских рыночных реформ, что было вполне объяснимо указанной выше системой геополитических и экономических предпосылок, представляется весьма неожиданной тенденция последних лет к существенному уменьшению их доминирующего значения на региональном рынке труда. Так за последние 5 лет число граждан КНР, привлекаемых на работу в различные отрасли хозяйства, здесь сократилось более чем в 2 раза (с 24,3 тыс. чел. в 2011 году до 10,8 тыс. чел в 2015 г.). Доля китайских трудовых мигрантов в общем количестве привлекаемых на работу в Приморский край иностранных граждан также устойчиво снижается и составит в 2015 году лишь 48,7%, что есть на 20% ниже уровня 2011 года (рис. 1). Причем, как показывает проведенный анализ с рынка труда Приморского края, трудовые мигранты из КНР активно «вытесняются» гражданами КНДР, Узбекистана и Украины [6].

На наш взгляд объясняется это прежде всего значительными социально-экономическими успехами КНР, позволившими за годы рыночных реформ опережающими по сравнению с Россией темпами поднять уровень трудовой

занятости, оплаты труда, образования и культуры китайских граждан. Данный вывод подтверждается позитивной динамикой увеличения в Приморском крае китайских туристов, а также обучающихся в университетах и работающих специалистами в различных отраслях хозяйства. Так если в 2012 году в край въехало 71,5 тыс. китайских туристов, в 2013 году – 78,5 тыс., то уже в 2014 году этот показатель достигает почти 100 тыс. чел.

Вполне очевидно, что тенденция к сокращению количества трудовых мигрантов из КНР в предстоящие годы не только сохранится, но и может усилиться. Причиной тому является наметившаяся в России рецессия при реальности отрицательного прироста ВВП в 2014-2015 годах, что в определенной степени объясняется негативным влиянием на российскую экономику объявленных США и странами Евросоюза и 30-ти процентным уменьшением цены на нефть на мировом рынке санкциями.

В этой связи можно ожидать уже в 2015 году ухудшения конъюнктуры рынка труда и трудовой занятости российского населения при сокращении на 3,5–4,0% средней заработной платы. Эти и ряд других фактов вне всяких сомнений приведут к негативной динамике международной миграции на российском Дальнем Востоке, в том числе трудовой миграции из КНР.

Думается, не будет ожидаемого эффекта для регионов Дальнего Востока с их огромной потребностью в кадрах от принимаемых в последние годы российским правительством жестких мер по регулированию въезда и трудовой деятельности в России иностранных граждан. В частности, непростые проблемы пришлось решать предприятиями Приморского края уже в 2013 году, когда по новому Регламенту Федеральной миграционной службы все иностранные рабочие для успешного оформления въездных виз должны были пройти соответствующую подготовку на российской стороне. Одно из основных изменений, которое было внесено скорее не в законодательство, а в практику местного Управления ФМС России, это требование о предоставлении документа об образовании, выданного либо российским учреждением, либо государственным образовательным учреждением в Китае,

но прошедшим, в таком случае, процедуру консульской легализации. Такое требование было установлено практически для всех видов работников, в том числе для овощеводов, официантов, мойщиков посуды и так далее. Необходимость предоставления дополнительного документа повлекло увеличение расходов работодателя ориентировочно на 10 тыс. руб. Еще одним изменением, которое произошло в практике оформления трудовых мигрантов явилось требование обязательно предоставлять оригинал заключения российской медкомиссии медкомиссии, что в реальности невозможно, поскольку данное заключение должно входить в пакет, сдаваемый в миграционную службу для получения разрешения на въезд. Помимо непомерных организационных затрат российские предприятия понесли и финансовые, тем самым «удорожив» стоимость каждого иностранного рабочего.

С января 2015 года указанная процедура значительно усложняется необходимостью обязательного тестирования трудовых мигрантов на знание русского языка, основ истории России и российского права, что предполагает организацию сложной и очень затратной системы подготовки иностранных граждан в российских учебных заведениях. Причем, необходимую для тестирования и выдачи сертификатов аккредитацию по решению пока прошли лишь несколько московских вузов, что создает практически неразрешимую проблему для работодателей Приморского края, потребность которых в иностранной рабочей силе на 2015 год определена в 22,1 тыс. чел.

Таким образом, новая практика государственного регулирования международной миграции нуждается в существенной корректировке с учетом возникающих проблем эффективного использования иностранной рабочей силы в экономике Приморского края и всего Дальневосточного региона.

Литература

1. Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М.: Муравей, 2009.

2. Рязанцев С.В. Китайская миграция в России: тенденции и подходы к регулированию // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 4. – С. 86-89.

3. Латкин А.П. Российский Дальний Восток: Ретроспектива и перспектива социально-экономического развития. // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2012. № 3. С. 120-128.

4. Латкин А.П. Дальний Восток: качество госуслуг и демографическая ситуация. // Российское предпринимательство. 2012. № 24 (222). С. 229-236.

5. Дальневосточный федеральный округ: краткая характеристика социально-экономического развития. — Владивосток. — Федеральная служба государственной статистики по Приморскому краю. — 2010.

6. Материалы Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. www.gks.ru.

References

1. Gelbras V.G Russia in the global Chinese migration. М.: Ant 2009.

2. Ryazantsev S.V. Chinese migration in Russia: trends and approaches to regulation // Bulletin of the Academy of economic safety of the Russian Interior Ministry. - 2009. - № 4. p. 86-89.

3. Latkin A.P. The Russian Far East: Retrospect and prospect of economic and social development. // The territory of the new features. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service. 2012. № 3. p. 120-128.

4. Latkin A.P. Far East: the quality of public services and demographics. // Russian Entrepreneurship. 2012. № 24 (222). p. 229-236.

5. Far Eastern Federal District: a brief description of the socio-economic development. - Vladivostok. - Federal State Statistics Service in the Primorsky Territory. - 2010.

6. Materials Federal State Statistics Service of the Russian Federation. www.gks.ru.